СЧАСТЬЕ

Заломив картуз набекрень, идёт по Никопольской улице дядя Микола. Этот картуз будто прилип к нему навечно. Дядя Микола родился где-то на границе между Молдавией и Западной Украиной, а там особенная приверженность к головным уборам.

Молдаване ли, «западенцы» ли, как у нас их называли, тем и характерны, что ходили в шляпах, хотя жители Днепропетровщины тоже шляпы носили — «брылыки» соломенные, но только в жару, в душное палящее лето. Так вот, дядя Микола отличался не только своим картузом, который не снимал с головы никогда, а тем, что «золотые руки» имел, мастером был на все случаи жизни. Чуть что сломалось, чуть что кому понадобилось — табуретка ли, стол ли, двери ли, окна — все к нему бегут, просят. А он никому не отказывал за символическую плату, а то и вовсе бесплатно. По дружбе строгал табуретки. И, вы, не поверите, обычно он хмурый был, сердитый какой-то в своём картузе, а тут словно преображался весь, сиял как солнце молодое, с радостью строгал свои табуретки.

И тогда я, будучи ещё ребёнком, решила, что человек дело своё должен с радостью делать, только тогда он может быть по-настоящему счастливым.

Нет уже в живых дяди Миколы, да и Украина теперь не та, не счастливая благополучная страна с певучим говором её жителей, а раздираемая противоречиями, больная, измученная, несчастная. И всё-таки никак не забыть ту картинку из детства. Солнечный день и дядя Микола на веранде со счастливой улыбкой строгает свои табуретки...

ЛАПСЕРДАК

Мне нравилось в детстве это волшебное слово — так бабушка называла коричневый дедов пиджак. Он ей так глаза намозолил, что она бесконечно говорила:

— Хфёдор, ну сними ты его, этот лапсердак, одень, как человек порядочный, приличную вещь.

Дед же никак не хотел одеваться в предлагаемую ему «приличную» вещь и продолжал жить в своём коричневом пиджаке. Лапсердак на нём, худющем, длинном, сидел препросторно, охватывал деда, как змей, как сказочное чудовище из страны Лапсердарии — думала я.

А ещё дед любил в этом лапсердаке сидеть на «ослоне» — так бабушка называла длинную лавку у заборчика — и рассказывать мне сказки.

И тогда мне казалось, что дед вовсе не на «ослоне» сидит, а восседает на осле, как мудрый философ. А я всё спрашиваю и спрашиваю его бесконечно, ибо у меня возраст «почемучки». Говорят, потом это проходит, но у некоторых остаётся на всю жизнь. А дед всё говорит и говорит, и речь напоминает шуршание камешков у реки. А я слушаю и наблюдаю за его пиджаком: дед повернётся — и пиджак за ним косится, сядет прямо — и пиджак выпрямляется.

А сказки у деда порой странные были. Одна и та же могла обрастать всё новыми и новыми подробностями, а иногда кардинально меняла и свой смысл. Так, курочка Ряба вместо благородной несушки превратилась в злую колдунью, и снесла она золотое яичко только для того, чтобы дед с бабкой перессорились. А бабушка, услышав такое, говорила:

— Хфёдор, ну шо ты дитю такую гадость лепишь, чи с глузду съехав?

И я представляла, что «глузд» — это такой конь, серый в яблоках, на котором дед всё ездит и ездит, а потом вдруг съезжает куда-то вниз и падает.

А ещё дедов лапсердак напоминал собой подарочный мешок волшебника. В нём — необъятном, со множеством карманов — всегда находилось место и для румяного яблочка, и для конфетки в блестящей обёртке для меня.

Были в нём и другие сокровища: перо какой-то птицы, ржавый гвоздик, засушенный цветок, монетка иностранная.

— Это,— говорил дед,— осталось от немцев, когда мы их гнали до Берлина.

И я представляла, что немцы — это такие рыжие тараканы, которых мой дед вместе со всеми куда-то гнал.

Много лет прошло с тех пор: и дедов лапсердак давно где-то истлел, и самого деда давно нет, но я иногда думаю, а может, ушли они вместе — дед и его лапсердак — в волшебную страну Лапсердарию, где живут сказки...

СТИХИЯ

Стоит дед. Поза портретная. Взгляд леопарда. На рынок собирается!

Встрепетом белой простыни охлаждён слегка, бабушка вешает бельё на верёвку, закрепляя прищепками:

— А шо, Хвёдор, груши визмеш ещё?

— Возьму! И «Белого наливу» тоже и вишню жовту!

— А малину, звечора собирала, визьми!

Все эти фрукты расфасованы по корзинам, которые дед бережно прикручивает к багажнику велосипеда и, едва ли не пританцовывая, отправляется на рынок привокзальный. В последнее время что-то зачастил он туда. Бабушка не нахвалится: «Хозяин! Копейчину старается зробыть!».

Остановится проходящий московский поезд — народ путешествующий к прилавкам подходит, приценивается.

— Почём, дед, груши? — спрашивают.

— Три карбованца,— отвечает.

Подошла дамочка, тоже спросила. Выкладывает нужную сумму и берёт груши себе. Дед же засмотрелся на зыбь её шёлка зелёного, окаймлённого кружевом. Бюстик приличненький размера этак шестого завлекательно навстречу взгляду его устремился.

— А вишню жовту не хочете? — дед смущается, однако глаз оторвать от бюста не может. Пробует дама экзотику эту, пальчиком давит вишню и улыбается, как солнышко ясное.

Дед обомлел весь, несуразное что-то бормочет.

— Вы с поезда?

— Да, нет, живу рядом! А сад мой пропащий. Груши посохли и яблони тоже, вдовицей живу, одна...

— Ой, бедолашка! А звать то вас как? Может помочь, если надо? Приведу вам в порядок садочек! — а сам всё не сводит очарованных глаз с зелёного шёлка.

— Ну, так приходите! Я с Привокзальной улицы — рядом. А зовут Серафима.

Неделя проходит, другая и третья... Бабушка волнуется в поисках деда.

— Десь забиг бедолага, а може уже и живого не ма! Може за гроши прибылы в кущах десь валяеться, тлие? — и плачет непрерывно.

Но соседка, баба Олёна, сказала ей, что видела, как Хвёдор в «приймах» у той Серафимы, шо же два роки як чоловика сховала.

— Ой, моя ненько! — бабушка тут причитать дико стала.— Я ж ей зарази, шипки вси побью! — и направилась рьяно в сторону улицы той Привокзальной, где разлучница проживала.

Приходит. Дед ей навстречу, весёлый такой. В беленькой майке, у старенькой груши подрезает ветки сухие, заборчик у клумбы им же ровненько сколочен. И Фима выходит с кружкой компота навстречу:

— Холодненький, пейте! — птичкой поёт.

А бабушка плюёт в личико это нахальное, вцепляется в волосы темнокудрой соперницы подлой. А та всё визжит — не разнять их, будто кошек дерущихся. В финале бабушка нервно калиткой хлопает:

— Смотри, приползёшь ещё, Хвёдор!

И точно, приполз: недельки через три или четыре. У Фимы другой ухажёр появился — моложе, она и выгнала деда, а тот с горя денатуратом аптечным обпился, и вот — у калитки стоит и плачет:

— Прости меня, Вера! Возьми обратно. Я торговать на вокзале больше не буду! То было со мною, как будто стихия, поверь же мне, Вера! С тобою пив вику прожилы мы, Вера!

Конечно, простила, восьмой десяток дед разменял, и надо ж — влюбился! Не знает границ и запретов эта страсть, в любую минуту поймать она может, и мучить, и мучить. Точно — стихия...

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Дед с кряхтеньем из пальто как из шоколадного кокона вылез наружу. Приподнявшись на цыпочках, я заглянула в карман его тёмный. Там мешочек с подарком есть для меня.

Раздевается дед в прихожей, тщательно снег обметая с бот своих тёмных, растирает ладони, от холода чуть покрасневшие — ходил без перчаток. А в комнате уже накрыт стол в ожиданье гостей.

Нынче праздник. Улыбаются все, на столе много всего. А дед, между тем, уже сел. Стул под ним как-то крякнул сразу, будто поприветствовал деда. Дед корпусом повернулся к соседке, что-то сказал ей на ухо, та улыбнулась, белые зубы представив и избугривши улыбкою полные щёчки.

Стол накрыт кружевною скатёркой. Главное блюдо на нём — селезень! Бабушка тщательно семеринкой его начиняла. Запечённые крылья сверкают золотисто-коричневым цветом, и весь селезень украшен петрушкой. Кажется, крякнет сейчас и вылетит в форточку.

Сели. Бабушка говорит: «Почитаем молитву!». Все повторяют за ней, чтоб пища была во благо. Дед не особо старается, на селезня жадно глазами взирая и мысленно уже раздирая утиного мужа на части...

Я наблюдаю как кто ест. Дед то яблоко режет, то селезня широким ножем разрезает, кидая куски на цветастое блюдо. С улыбкой-прищуром ко мне обращается:

— Зелёного хрону хочешь, Олёнко? Смачный вин до селезня буде!

Топотошит нетерпеливо дедов племянник, весь в нетерпенье:

— Где же наливка?

— Буде наливочка з вишнёвого чистого соку! — бабушка, угадав, ему отвечает и тут же несёт из погреба холодную наливку в терракотовом разрисованном ярко кувшине. Уютно, Сердечно. Что может быть лучше, чем стол, за которым собралась вся родня на праздник?

Столько лет пронеслось, пролетело, а это во снах мне являются даже: и дом старый дедовский, тот ужин рождественский за общим столом, все молоды, живы. В памяти живы, навечно.

ГРУШЕВЫЙ ДЖЕМ

Жёлтую кожу с груши сорта «Дюшес» дед срезал тонким ножиком. Бабушка варить грушевый джем собиралась. Я наблюдаю за ними. Неспешно ведётся беседа, они вспоминают о прошлом. В корзинах сплетённых стоит лето, снятое с деревьев старого сада, готовое к тому, чтобы быть убранным в погреб. В погребе пузато уселась огромная красно-оранжевая тыква. Банки стоят на крышках, вверх дном, чтобы, остывши, попасть на полки и полочки.

А дед по просьбе бабушки полез на чердак и что-то там долго делал. А когда стал спускаться, то оступился и полетел на землю. Придя в себя, спросил: «А лестница цела?».

Я, пятилетний философ, наблюдаю, мне всё интересно.

Вдруг дед со свирепой, лоб перерезавшей складкой, говорит: «Олёнко, до библиотеки идём?»

И вот мы в сокровищнице, где столько книг! Я стою очарована.

Книжная скорпионша Хельга Львовна распоряжается сокровищами. Дед выбирает мне книжку почему-то про танк. Библиотекарша улыбается, но не решается отговаривать деда, зная его упрямство. Возвращаемся радостные.

Дома дед читает мне книгу. Так понравилось! Оказалось, что танк не простой. Забытый с войны, он был найден в болоте. Герой, нашедший его, при помощи танка воюет с городским начальством, запрещая сносить дом дореволюционной постройки, разрушает танком ограду у озера, где рыбачил только председатель местного совета, национализировав озеро в свою пользу. И много другого хорошего совершил герой с помощью этого танка.

Когда же я выросла и обнаружила эту книжку (дед её почему-то так и не вернул в библиотеку) то увидела, что не было в ней тех приключений, что рассказывал дед, это была техническая книжка про устройство танка Т- 34. Все истории с танком дед выдумал сам для меня. Вот она сила воображения!

* * *

Весна. Проснулся город древний. Забегаю
В вагон последний в голубом трамвае.
Кондукторша спешит всех обилетить,
Снег тает за окном, уносит ветер
Какие-то клочки изорванной афиши —
Цирк «DU SoLEIL» приехал из Парижа.
А в лужах воробьи играют — акробаты,
И дарит щедро март — Козьма Скоробогатый —
Надежду на Любовь, на яркое горенье,
Не торопись, Ассоль, терпение-терпенье!
Растает скоро снег, сосульки с крыш сорвутся,
И, может, для любви и принцы все проснутся.
Трамвай по рельсам мчит, вокруг всё оживает
И радует меня, и в детство возвращает.

Я и сегодня вспоминаю разлапистое кресло в комнате деда — оно косилось на меня, но было добрым сказочным зверем и пахло лаком, недавно покрывшим его. Во всём есть тайный знак, тайное зерно. И в каждом предмете, и в каждом человеке. Я всю жизнь собираю эти зёрна, и они становятся пазлами дивной картины, которая называется — жизнь. Не так ли — зерно к зерну становятся вкусным бабушкиным хлебом. К грушевому джему впридачу.